образом, его оды, как и у Руссо, как и у Фридриха, превращаются в страстный монолог, композицию которого определяет само движение мысли. Единство же оды при всем разнообразии ее материала достигается необыкновенно сильным лирическим напряжением. Только от своего лица, оставив какой бы то ни было элемент эпичности торжественной оде, один на один с миром, поэт может высказать всю правду о нем. Отсюда это волнение, этот «жар души», этот захлеб эмоциями и мыслями. В сущности, это еще одический восторг, но обновленный. Старый, классический восторг, связанный для нас прежде всего с именем Ломоносова, был результатом виденного: мысли и чувства рождались от величия окружающего мира. Восторг новой оды, напротив, рождается от погруженности в себя. Поэт занят сам собой и своим отношением к миру, а если и возникают картины, то они, как правило, навеяны размышлениями.

Рассматривая «великость» (величие души) и знатность, согласно требованиям оды этого типа, в ракурсе жизни государства и гражданина, Державин, подобно Фридриху, персонифицирует величие души. Примечательно, что он, следуя за Фридрихом, для своего божества выбирает женский род (не «величие», а «великость»), так создается новая «лучезарная» богиня, напоминающая Фортуну. Само раскрытие темы «великости» естественным образом восходит к оде «Die Standhaftigkeit» и тем самым — к оде «A la Fortune». Категории этих од: стойкость (постоянство), величие души и изменчивость судьбы в трактовке XVIII в. неразрывно связаны между собой. Оригинальность Державина проявляется в осмыслении этих категорий. Он не слепо следует за своими европейскими предтечами, а наполняет эти категории своим пониманием, опираясь в этом на русскую традицию. Для Державина главная опора человека, источник его «великости» и постоянства — Бог («Великость в человеке — Бог» (III, 290)), только с верой в сердце можно «противостать» всем превратностям судьбы. Понятно, что такое осмысление меняет звучание темы судьбы и постоянства. Эсхатологический хаос Фридриха, ясный и несколько плоский рационализм Руссо уступают место глубоко христианскому мировоззрению. В оде «На великость» Державин впервые пытается свести воедино категории разных систем: античной (в данном случае — судьбы) и христианской — задача, которую он будет решать на протяжении всей жизни. Таким образом, ода «На Великость» хотя и несет на себе явную печать оды Фридриха, по существу своему произведение вполне оригинальное.

То же, еще в большей степени, можно сказать об оде «На знатность». Хорошо усвоив принцип построения новой оды, используя основные ее формальные черты, в оде «На знатность» Державин